

ФОТОГРАФИИ ИЗ АМЕРИКИ

Наша последняя встреча была ровно десять лет назад. А в этом году, в последнее воскресенье мая, на очередной встрече выпускников химического факультета свели нас судьба и старания наших однокашников, которые каждые пять лет устраивают, ставшую традиционной, встречу. Пять лет назад я не смог приехать из-за проблем со здоровьем. А сейчас, глядя на Николая, я не мог и подумать, что этот седовласый, располневший дядька — мой институтский товарищ Колян. Но те же искорки в глазах выдавали в заматеревшем мужчине нашего заводилу всех групповых посиделок, турпоходов. Я уж не говорю о «пробелах» лекций, которые мы устраивали себе, совершая набеги в столовую Жигулевского пивкомбината на Волжском проспекте, где почти всегда не переводилось бутылочное «Жигулевское», по тем временам дефицит, редкость и роскошь.

После окончания встречи Колян, а теперь правильнее будет сказать, Николай Андреевич, невзирая на мои слабые протесты и неуверенные отнекивания, затащил все-таки к себе в гости.

Конечно, как не окупнуться снова в воспоминания о студенческих похождениях, да и вообще рассказать о себе, вспомнить, как говорится, «города и годы». Все прошедшее по старой доброй традиции запечатлено на фотографиях, которые мы в прошлом веке, да и в начале нынешнего, складывали в огромные альбомы, в маленькие альбомчики, а то и просто в коробки из-под обуви. Это сейчас все события, а порой просто так называемые селфи, сохраняются на планшетах, в смартфонах, в именных папках на компьютерах. Щелкай «мышкой» или гоняй пальцем — тысячи фото смешиваются в одну круговерть, а из них три четверти ненужных, некачественных, но хранимых, ведь места в доме не занимают, деньги на фотобумагу тратить не надо. Это раньше — развешиваешь пленку, каждый кадр негатива рассматриваешь, выбираешь — этот печатать, а этот можно оставить. А порой уже напечатанное фото разрывалось и выбрасывалось. Сейчас ничего почти не удаляется из гаджетов, а что, не мешает. Вдруг да и пригодится? В соцсети этот мусор выкинуть можно, вот, мол, я

какой, то в плавках, то в шортах. Или там на слона залез с обезьяной, а то и просто около какого-нибудь баобаба со своей, а порой и не со своей женой.

Николай Андреевич вытащил откуда-то с верхней полки книжного шкафа толстый альбом в зеленой, словно из малахита сделанной, обложке.

— Это моя поездка в Штаты,— торжественно произнес он,— в конце девяностых руководство предприятия, где я отработал более тридцати лет, решило приобщать своих работников к цивилизации развитого империализма. Работали мы относительно стабильно, зарплату нам ни разу в те годы не задерживали, прибыль была, вот и отмечали передовиков производства поездками за рубеж. Так и попал я в одну из групп, которую направили в США.

И полились воспоминания Николая Андреевича о поездке. Показывая фотографии, он рассказывал — где это он, с кем сфотографирован. Весь вечер прошел, можно так сказать, в повествовании американских историй. Все, что я запомнил из рассказов Николая Андреевича, то и повествую от его лица без каких-либо комментариев, в общем, что слышал, то и вам рассказываю.

НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК...

На этой фотографии я около памятника первым американским эмигрантам. Рядом чернокожий друг. Не знаю даже, как правильно и сказать — негр, вроде в Америке так не принято, черный — тоже не приветствуется, все больше звучит — афроамериканец. Так у них этот запрет на слово «черный» дойдет до того, что «Черный квадрат» Малевича они будут называть «Афроамериканский квадрат».

Как этот афроамериканец попал на фото? А знаешь, как-то просто все вышло. Я попросил товарища запечатлеть меня на фоне знаменательного памятника, а в это время мимо проходили два чернокожих парня. Я запросто подошел к ним и как мог объяснил с помощью жестов, пальцев и нескольких слов по-английски, что приглашаю их сфотографироваться. Один из них без лишних разговоров пошел и встал рядом со мной около памятника. Теперь он навечно на этом снимке, почти как встреча на Эльбе русских и американцев, только на другом континенте — встреча в Нью-Йорке на острове Манхэттен.

Присмотрись к его одежде — простые джинсы, черная куртка из синтетики, вязаная шапка. Ничего не напоминает? Сейчас так одевается вся наша маргинальная молодежь.

Вообще хочу сказать, что тогда я вдруг понял, что простые американцы такие же, как и мы — обыкновенные люди. Без высокомерных замашек, легки в общении, спокойны. Еще не раз мне потом пришлось в этом убедиться. А чернокожему парню я пожал руку, поблагодарил, он, молча, улыбнулся и побежал догонять своего спутника.

Там же, на набережной южной оконечности острова Манхэттен, недалеко от Батареиного парка и музейного форта первых поселенцев, встретили мы... А, впрочем, все по порядку.

Сначала посмотри — как тебе эти длинные одноэтажные постройки под общей крышей первого форта на фоне виднеющихся за ней небоскребов? Рядом с нами стоит около пушки французский солдат с винтовкой, а вернее, это волонтер, изображающий защитника форта. Здесь нас только пятеро, а вообще, группа наша насчитывала двенадцать человек. Восьмерых мужчин и четырех женщин. Все мы находились, по документам, можно сказать, в командировке, хотя фактически на отдыхе. У нас не только дорога была оплачена предприятием, а еще и командировочные выданы, как положено, в долларах. А чем русские занимаются на отдыхе, а тем более за границей,

ты, наверно, знаешь. Осматриваем мы этот американский форт, там еще рядом памятник героям Кореи, вдалеке от Манхэттена на острове Свободы статуя, озаряющая мир факелом Свободы, которую почти не видно. Вот и предложил кто-то вслух (а скорее всего это сделал я):

— А что, ребята, когда мы еще побываем так близко от демократии, от этой статуи с фонарем, да рядом с фортом и памятником первым эмигрантам США, принесшим свободу на континент? А не отметить ли нам это событие прямо здесь? Так сказать, среди знаменитых атрибутов свободного мира?

Надо сказать, что время было утреннее, по-местному — часов около десяти. Людей на набережной Манхэттена, да и в Беттери-парке пока немного. Мы были, пожалуй, самой многочисленной группой. Так вот, после прозвучавшей фразы о культурном досуге, ты даже представить себе не можешь, что мы услышали в Нью-Йорке, в тысячах километров от России? На чистейшем русском языке кто-то сзади нас громко серьезным тоном говорит:

— Ребята, вы даже не думайте об этом. Здесь не положено по-русски отмечать события. Это нарушение закона и запросто можно оказаться в полиции.

Каково? В Нью-Йорке, на набережной Манхэттена, на фоне статуи Свободы — и русская речь? Оборачиваемся. Молодой мужчина, приятной наружности, стоит с тележкой — торговец пирожками. Мы группой окружили его, посыпались вопросы, разговорились. Оказалось, что он наш — бывший советский. Из Ташкента. Но уже житель Нью-Йорка.

— Я давно вас приметил, подкатил поближе,— говорит он,— что-то вспомнилось такое, отчего грустно мне стало. Очень веселая вы компания, общаетесь друг с другом по-дружески и запросто. А это то, чего мне очень не хватает в сегодняшней моей жизни. Нет, я не жалею, все хорошо — устроен, работа, пусть пока такая, но работа. Есть жильё, денег на жизнь хватает. Но не достаёт в нынешней моей жизни одного — общения! Не принято здесь ходить в гости друг к другу, встречаться вечерами. Все какое-то скучное, даже соотечественники наши, и те переняли этот американский образ жизни. Почти не встречаемся, каждый занят только своими делами, своими заботами. А у вас вон как весело!

В тот же день я еще раз убедился в простодушии и воспитанности американцев. Обедали мы в японском ресторане. Вот, смотри — на этих фотографиях — видишь, на столе бутылочки sake стоят, рядом плитка газовая, на тарелке тонкие ломтики сырого мяса, зелень, грибы, похожие на наши луговые опенки, называются шиитаке. Здесь такое обслуживание посетителей — пейте sake и варите сами себе суп Шабу-Шабу. Нам объяснили, как варить это Шабу-Шабу. Не гарантирую достоверности, забылось, а в московских ресторанах я не был. В общем, грибы шиитаке, овощи, все это кладешь в воду, когда закипит, буквально на пятнадцать секунд опускаешь в кипяток, держа палочками, ломтик мяса, и сразу же — в рот. Вареные овощи и грибы вылавливаешь — закуска готова. Угощение по-японски.

Так вот, начал я об американцах. После выпитого sake и приготовления японской стряпни, стало мне жарко. Вышел я на улицу освежиться, подышать прохладным воздухом Нью-Йорка, так сказать. Да, не сказал, что были мы в Штатах во второй половине марта. В Нью-Йорке весна начинается, праздник Святого Патрика, температура около нуля градусов.

Около входа в ресторан группа парней и девушек, человек десять. Стоят полукругом, пьют что-то из стеклянных бутылок. Разговаривают, смеются. Я вышел и немного отступил от входа в сторону, не заметил и сбил ногой стоящую на асфальте открытую бутылку, она упала, потекло на асфальт. Поднял, поставил. Это оказалось пиво. Извинился. По-английски, конечно, уж это-то из школьной программы еще

помню. И ты знаешь, чем американская молодежь ответила на мою неловкость? Ребята рассмеялись, замахали руками, мол, не беспокойтесь, ерунда. И продолжили веселый разговор между собой. Представляешь, если бы это случилось на улице нашего родного города, чтобы я услышал от своих юных соотечественников в подобной ситуации за пролитые пятьдесят граммов пива?

КУПАНИЕ В СЕНТ-ПИТЕРСБЕРГЕ

Узнаешь? Это берег Мексиканского залива. Было теплое, морское и безмятежное утро. Легкий прибой. Мы купались. А ведь еще вчера в Нью-Йорке гуляли в плащах и куртках, а на улицах города бурлило костюмированное шествие, был День Святого Патрика. Оркестры, флаги Ирландии и США, повсюду зеленый цвет. А здесь голубое небо, голубое море, белый песок пляжа. И обрати внимание — прибрежные воды залива пустынно. Никто не купается, кроме нас. А почему? Да потому что температура воды в заливе всего плюс двадцать градусов. Не принято купаться в такой «холодной» воде. Народ прогуливается по белому песчаному урезу, лишь ноги мочит в воде. Люди ждут погоды у моря, то есть когда вода прогреется до плюс двадцати пяти градусов. Слышна польская, немецкая речь.

Надо сказать, что приехали мы из аэропорта Орlando в город Сент-Питерсберг ночью, около одиннадцати часов. Пока добрались до гостиницы — уже полночь. В холодильниках гостиничных номеров кое-какая еда — сок фруктовый, вода минеральная, апельсины, бананы, клубника. В общем, то, что надо для русской души... Но у нас, как говорится, с собой было. Решили первым делом сходить на берег Мексиканского залива, искупаться, после этого и организовать поздний ужин.

Вышли во двор гостиницы — тишина, почти во всех окнах потушен свет. Невдалеке ласково шуршало море. Вода приятной прохладой сняла усталость перелета, песок мягко скрипел под ногами. Красота...

Я после купания в море пошел в номер гостиницы, принял душ. А все мужчины нашей группы остались около бассейна во дворе гостиницы. Легкий ветер качал листья пальм, мириады звезд наблюдали за нами, но как оказалось позднее, не только звезды...

Номер в гостинице был на двоих. И я после душа, расслабившись в кресле, ждал, когда придет мой товарищ и скажет о том, что «народ для разврата собрался».

Вот он приходит. Но странным кажется мне его поведение. Я обращаю внимание на то, что он как будто немного не в себе: грустный взгляд, я бы сказал, что даже немного потухший. Молчалив, глубоко вздыхает, отводит от моего взгляда глаза в сторону.

Вдруг в дверь номера раздается громкий, требовательный стук. Открываю. На пороге стоит мужчина в форме с какими-то нашивками, в форменной фуражке. Пока я рассматривал его форму, пытаюсь понять, кто он такой, этот человек начинает что-то быстро говорить по-английски. Из всего сказанного мне удалось понять только вопрос «Your is chief?» и несколько раз повторенные слова «Police» и «Bathe».

«Вот это новости», — думаю. — «Что же такого криминального произошло?»

Тут вмешивается мой товарищ:

— Это охранник гостиницы.

— Так, что-то прояснилось, уже полегче, — говорю я, — но чем же он так взволнован? Что нельзя было купаться в бассейне?

— Да мы, понимаешь, купались в бассейне, а он прибежал, кричит, выгнал нас из воды, и твердит: полиция, полиция.

— Так что, нельзя было в бассейне купаться? — повторяю я.

— Не знаю, только мы без ничего купались. Ночь ведь, все спят, вот мы и решили так. Веселились нагишом.

— Повеселились. А где остальные?

— Да там, все в одном номере собрались.

Я напрягся и спросил охранника:

— No bathing suit? (Не было купальника?)

Он обрадованно закивал головой, наконец-то, этот русский понял:

— Yes! Yes!

— Follow,— бросил я, и мы пошли.

Номер был открыт, все наши пловцы в нем, такие же тихие и понурые, каким предстал передо мною мой товарищ. И тут меня как прорвало! Все-таки я — старший группы, значит, и отвечать мне! Я набрал побольше воздуха в легкие, и со всей яростью, на повышенной вибрации голоса начинаю отчитывать своих «подопечных». Говорю, стараясь быть серьезным. Без прибауток и шуток объясняю им про тысячи километров, отделяющих нас от Родины, про страну, в которой мы находимся, и про ее культуру и порядки. Все это, конечно, без наших родных, русских ругательств. За границей, как-никак. Охранник стоит недалеко от нас и наблюдает за моей партийно-воспитательной работой. Думаю, со стороны сцена напоминала избиение младенцев царем Иродом. Бескровное избиение, конечно. И вдруг он подходит ко мне и трогает за плечо. Я оборачиваюсь и вижу его удовлетворенное, спокойное и понимающее лицо.

— All right! This all! — только-то и произнес он.

Я протянул ему руку, он пожал ее, повернулся и ушел по коридору.

Американец остался доволен моими действиями по усмирению разгулявшихся русских парней. И, наверно, решил, что теперь всегда будет порядок. Ведь Америка — страна порядка! И он, не зная русского языка, лишь по моему выражению лица, по тону разговора, понял — шеф отчитывает, а значит наводит порядок. И ушел довольный и успокоенный.

Ну а мы? Конечно же, сели за поздний ужин, и со смехом вспоминали и купание в бассейне, и последовавшее за этим волнение и страх за случившееся, и строгого начальника, и славного охранника, который увидел, что и русские любят порядок.

РЫБАЛКА В МЕКСИКАНСКОМ ЗАЛИВЕ

Виды города Сент-Питерсберга я фотографировал с палубы морского катера, который уходил в открытое море, мы отправлялись на рыбалку в воды Мексиканского залива. Курортный город в пальмовых зарослях с чистейшими песчаными пляжами, с роскошными гостиницами исчез в морской дымке.

На катере разместились три туристических группы. Наша, российская, группа из Германии и местная — отдыхающие в городке американцы. Любители морской рыбалки. Надо сказать, что немцев мы вообще не слышали и не видели на палубе. Они все плавание как-то тихо себя вели, по-моему, сидели всю рыбалку в своей трюмной каюте и пили пиво.

А вот на этой фотографии я с американским туристом-рыбаком. Стоим чуть ли не обнявшись, он положил мне руку на плечо. Видишь, какой красавец? Высокий, ростом, наверно, метр восемьдесят или даже больше. По крайней мере, выше меня. Пышные усы, глаза добрые и веселые. По внешности и не отличишь от москвича или от краснорядца, то есть любого из нас. Майклом его зовут. А познакомились мы с ним так. По постой, пожалуй, начну по порядку. Тебе же, как волжскому рыбаку, будет интересно узнать, какую рыбу и как мы ловили в Мексиканском заливе?

От городского пирса наш катер отошел не так уж и рано, где-то около восьми часов утра. И с довольно приличной скоростью, думаю, не меньше 20 узлов, мы через два с половиной часа оказались на месте рыбалки, в открытом море. У каждой группы был свой инструктор. Он показал нам наше место на левом борту судна, где в специальных гнездах стояли приготовленные рыболовные снасти: спиннинги с инерционными катушками. Рядом с ними ведро, наполненное насадкой, которая была похожа на мелко порезанную рыбу. Инструктор строго-настрого предупредил, чтобы пойманную рыбу с крючков снимали после того, как покажут ему. А уж он решал, что с ней делать: то ли оставить, как улов, то ли отпустить обратно в море. Общались мы с ним через переводчика-гида, Татьяну, которая сопровождала нас во всей поездке по Америке.

Нацепив насадку на крючки, поплевав на нее по русской традиции, мы стали забрасывать наживку в море, опуская до самого дна. Глубина выбранного капитаном места для рыбной ловли была метров сорок - пятьдесят.

А это я уже сфотографирован с первой добычей. Название пойманной рыбы я не запомнил. Похожа она на нашего волжского судака. Такая же полосатая темно-серая раскраска туловища, белое брюхо, удлиненное тело, длинное и заостренное рыло. Но, как оказалось, пойманная мною рыбка еще не доросла до необходимых размеров, поэтому была отпущена инструктором обратно в море.

На следующей фотографии — морской черт. Огромная, широкая, я бы даже сказал, страшная голова, тело ее совсем голое, спина коричневая, усеянная многочисленными черными крапинками. Размер рыбы сравнительно небольшой — сантиметров тридцать. Рыба, действительно, похожа на черта. Инструктор снимал этого черта с крючка специальным приспособлением, руками не касался. Только вот, что странно. Через несколько лет в одной кулинарной книге я прочитал, что морской черт — рыба съедобная. Блюда из этой рыбы готовят из ее хвоста. А бывает она весом до двадцати килограммов. Выходит, пойманный мной морской черт оказалась маленьким для добычи.

Но вот третья пойманная рыба оказалась вполне нужного размера и съедобной. Дорада, или морской лещ. Рыба действительно походит на нашего леща, но только туловище у нее более серебристого отлива, а голова с большой пастью. Вес ее был около полкилограмма. Вот так, поймав, наконец, настоящую рыбу, я успокоил свое рыбацкое нетерпение и страсть, и, передав кому-то свою удочку, пошел бродить по судну, рассматривая улов своих товарищей. На этой экскурсии я и столкнулся с Майклом. Видно, ему тоже наскучило однообразие рыбной ловли, и он решил прогуляться по палубе корабля.

Сначала мы с ним обменялись приветствиями, рукопожатием. Потом выяснили имена друг друга. Разговорились. Каково? При почти полном незнании языка? Конечно, говорил больше он, но я тоже вставлял фразы, щеголяя своим примитивным знанием английского языка. Чего стоила, например, такая фраза:

— I am Russian fisherman. You is American fisherman.

Это Майкл понял. Широко улыбнулся и ответил:

— Baked fish is very tasty food.

Я понял, что он чего-то сказал про жареную рыбу. Потом Майкл сделал жест рукой, показывая, что сейчас вернется, произнес только одно слово:

— Wait,— и ушел в сторону кормы. Я и остался ждать, как он велел.

Через несколько минут Майкл вернулся, держа в правой руке литровую пластиковую бутылку водки, уже наполовину опустошенную, а в левой у него были такие же пластиковые стаканчики. И всего одно слово сказал, которое и переводить не надо:

— Drink.

Я, конечно, согласился:

— O, yes, drink for friendship!

— We cold drink vodka,— был его ответ.

И вот Майкл подает мне стакан, я держу, он наливает. В мой стакан и себе он налил водки, как у нас говорят, «на донышко». Я не стал напрягаться со своим английским, и все, что я сказал, было произнесено мной по-русски, но, как ни странно, он меня понял и согласно закивал головой. А сказал я ему буквально следующее:

— Э, Майкл, у нас за дружбу так не пьют. Давай это сделаем по-русски,— потом жестом показал ему, как должны быть наполнены стаканы.

В глазах его после моих слов и жестов появилось удивление, и, я бы сказал, даже некоторый испуг. Но я взял из его рук бутылку, и долил в стаканчики граммов до ста пятидесяти. Мы чокнулись, выпили. До дна. А из закуски — одни чипсы. Рыбу жарить мы будем на берегу, как нам объяснили. В общем, до конца нашего морского путешествия Майкл уже никуда не ушел из нашей каюты. О чем мы с ним разговаривали? Сейчас я уже и не смогу рассказать, но только помню, что он говорил со мной по-английски, а я, не напрягаясь, перешел на русский. Опять у меня какая-то «встреча на Эльбе» получилась.

Майкл стал проявлять симпатии к одной из наших женщин, и до самого возвращения на городской пирс он пытался общаться с ней, что-то лопоча и глядя влюбленными глазами.

Даже и тогда, когда наш катер причалил, и все стали сходить на берег, он, не раздумывая, пошел с нашей группой в гостиницу, пытался обнимать свою пассию, которой не нравились его американские нежности, и она слезно нас просила:

— Да уберите вы от меня своего американца!

Но Майкл лишь мило улыбался и что-то говорил и говорил. Все закончилось тем, что, наконец-то, о нем вспомнили его друзья. Как оказалось, и жена его была в той же группе на катере, она прибежала и увела его, недовольного, с собой.

На морском пирсе были оборудованы специальные столы для чистки рыбы, здесь же стояли специальные подставки с ножами. Мы почистили всю рыбу своего улова. Вокруг нас бегали маленькие цапли, в воде плавали пеликаны. Такая вот кормушка для птиц. Да вот, на фото всех пернатых видно и нас, чистящих рыбу.

НОЧНОЙ ЗВОНОК В ВАШИНГТОНЕ

Думаю, на снимках, сделанных в Вашингтоне, все узнаваемо, и они особо в комментариях не нуждаются. Сами за себя говорят — Белый дом, здание конгресса США, здание Верховного суда США, пятиугольное здание — Пентагон, мемориал Джефферсона на берегу реки Потомак. Были мы и в Национальном музее воздухоплавания и астронавтики. А на этом снимке я рядом с первым президентом США Джорджем Вашингтоном и его супругой — это уже исторический музей — National Museum American History. Кстати, исторический музей США посещает очень много молодежи, во всех залах большие группы школьников, студентов, такого интереса у нашего юного поколения я не замечал.

Здесь мы на улице Вашингтона около гостиницы, всей группой. Вашингтон запомнился нам своими знаменитыми и историческими местами, но не только этим. А и веселой историей, случившейся ночью в гостинице. В Вашингтон мы прилетели уже под вечер и, уставшие от перелета, от напряжения и дорожных хлопот, мечтали об одном — скорее заселиться в гостиничные номера и отдохнуть. Привезли нас в довольно старый район, построенный более ста лет тому назад. Дома, в основном, двух- и трехэтажные.

В гостинице предложили семейные номера, даже не помню сейчас, почему это получилось. Наверно, из-за их дешевизны. Но, по большому счету, нам было все равно. Человек ко всему привыкает, а советский человек тем более. А то, что мы все еще оставались советскими, не надо даже и объяснять. Так вот, семейный номер — это широкая двуспальная кровать, прикроватные столики с лампами, телефон, небольшая кухня со всем необходимым инвентарем, в общем, маленькая квартира для супругов. На фото мы с товарищем как раз на такой кровати, позируем, чтобы понятнее было, где мы ночевали в Штатах.

Так вот, чтобы не лишать нас удобств и полноценного отдыха, служащие гостиницы, в основном, афроамериканцы, разносили по номерам раскладные кровати. Поэтому на ночь одному из нас доставался двуспальный аэродром, ну а второй довольствовался раскладным вариантом ночлега.

Не успели мы с товарищем осмотреть номер, поудивляться обилию кухонного инвентаря, как в дверь раздался громкий стук. Открываем, на пороге служащий с кроватью в руках. Мы его пропустили в номер, он быстро разложил и установил ее, постелил матрац и удалился. А мы решили пройтись и посмотреть, как устроились остальные.

Заходим в один из номеров, у них второй кровати еще нет. Я спрашиваю:

— Вам еще не приносили раскладную кровать?

— Да приходил какой-то детина чернокожий, принес, но мы подумали, что он что-то перепутал, махнули, мол, мы не заказывали, он ухмыльнулся и ушел.

— И как теперь? На одной кровати спать будете? Валетом, что ли? У них такой порядок, спать каждый должен отдельно, в своей кровати. Вот он и ухмыльнулся. Знаете, что он о вас подумал?

— А я еще удивился, когда мы отказывались, он как будто понимающе улыбнулся. Наверно, мы в его глазах поголубели.

В общем, устроились. Потом собрались всей группой в одном номере. Поужинали и разошлись. И, можно сказать, отрубались, устав от суеты и перелета.

Волей жребия мне досталась двуспальная кровать. Я сразу же уснул. В ночной тишине раздался резкий телефонный звонок. Спросонья не пойму, что это такое? На часах — первый час ночи. Поднимаю трубку и милый женский голос, я бы даже сказал — ангельский голос, что-то мелодично говорит. На английском. Не могу понять, но успеваю вспомнить дежурную фразу и отвечаю:

— I no understand you. Я не понимаю.

Говорившая на том конце женщина переходит на другой непонятный набор слов, но различаю, что это уже не английский. И вот оно — последнее слово в этой фразе произнесено по-русски, отчетливо было сказано слово «любовь». Так вот в чем дело! Теперь и дураку стало бы понятно! И я мгновенно, не думая, ответил:

— No, thank you!

В ответ тишина, и я положил трубку.

Товарищ услышал весь мой разговор и полусонно спрашивает:

— Кто звонил?

— Ты не поверишь, — отвечаю, — предлагали американскую любовь.

— Ну, а ты? — спрашивает.

— Отказался, конечно. Сказал, что мы честные русские люди и не подвержены буржуазным привычкам по ночам заниматься любовью.

Товарища моего, как ветром, сдуло с кровати:

— Эх ты! — укоризненно бросил он в мою сторону, — я бы не отказал. А кто звонил?

— Как ты думаешь, кто? Конечно, знойная, с большими губами негритянка. Ну, ты подожди, может она еще раз позвонит, — пошутил я.

Он вполне серьезно принял мою шутку и сел на кровать около телефона. Видя такое дело, говорю ему:

— Послушай, дважды в одну воронку снаряд не попадает. Ты лучше сходи к нашим в любой номер, наверняка они всех русских будут обзванивать. Вот и договоришься.

Смотрю, он встал, оделся и ушел. А у меня тоже весь сон прошел. Не произошла бы там еще какая история, подобная купанию нагишом в бассейне. Так и не уснул до тех пор, пока он не вернулся. Примерно через полчаса появился. Грустный. На мой немой вопрос только отрицательно помотал головой.

А утром мы посмеялись над нашим неудавшимся ночным приключением.

И знаешь, общаясь с американцами на улицах, в магазинах, в музеях, я понял одно: мы и американцы, я имею в виду простых людей, очень похожи. А наши отношения между странами, как в добром старом анекдоте: в лесу ветер шумит по верхушкам сосен — это отношения между политиками, а внизу под деревьями в муравейниках и по траве — тишина. Все заняты делом — работают, кормят детей, строят жилье и радуются каждому мгновению жизни.

